

**Немирович-Данченко Василий
Иванович**

Крымские повести

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
В19

В19 **Василий Иванович Н.**
Крымские повести / Немирович-Данченко Василий Иванович – М.: Книга
по Требованию, 2022. – 441 с.

ISBN 978-5-519-99004-2

ISBN 978-5-519-99004-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ВОЛНЫ.

ПОВѢСТЬ.

В О Л Н Ы.

Повѣсть.

Люби пока любить ты можешь
Изъ часъ ударитъ роковой —
И станешь съ позднимъ сожалѣньемъ
Ты надъ могилой дорогой.

Изъ Фрейлихграфа (перев.
А. Н. Плещева).

I.

Солнце, море и горы... Какъ хорошо кругомъ, какъ легко дышется, какъ беззаботно живетъ здѣсь! Кажется, все, что еще вчера туманило мысль и сѣрыми тучами заволакивало измученную душу, отошло далеко... Такъ далеко, что даже странно дѣлается: было-ли это все, или только снилось? Неужели позади оставлены навсегда и сырые туманы, и вражда, и злоба? Дѣйствительность ли этотъ разладъ, или такъ нанесло кошмаръ и опять его прочь потянулъ южный вѣтеръ туда, на

сѣверъ, къ болотамъ, къ сѣрымъ небесамъ къ мертвящему холоду?..

Солнце, море и горы! Синева-то, синева какая; смотришь и не насмотришься! Все утонуло въ ней: и вершины лиловатыхъ утесовъ, и тихія волны, и глубокое, благоговѣйною тишиною вѣющее на счастливую землю, мистически-задумчивое небо... Да, вотъ оно счастье, безмятежное, полное, не оставляющее ничему мѣста въ душѣ, ничему, кромѣ сознанія этого праздника природы... Неужели-же есть еще гдѣ-нибудь скучные длящіяся будни? Имъ уже не вѣрится, хотя ихъ пережилъ самъ...

Солнце, море и горы... Солнце горитъ на голубыхъ волнахъ серебряными бликами, волны словно ластятся къ тихимъ берегамъ, разбрасывая на ихъ желтыхъ отмеляхъ бѣлое кружево своей пѣны... Горы смотрятъ и на солнце, и на море и не наглядятся. Смотрятъ, убравшись въ зеленые рощи, въ лиловые тѣни; смотрятъ, привольно раскидываясь въ тепломъ свѣтѣ... Что тамъ за ихъ утесами? Отъ кого загородился ими этотъ чудный край? Кого онъ не пускаетъ сюда?..

Солнце, море и горы.. И Алексѣй Петровичъ Верховенскій—притворился даже, что не слышалъ, когда чей-то голосъ съ мраморной

террасы позвалъ его въ тѣнь и прохладу плотно завѣшанныхъ сторами комнатъ. Солнце, море и горы! Вотъ уже нѣсколько дней, какъ онъ ихъ видитъ и любитъ ими. Утромъ, просыпаясь, онъ спѣшитъ выйти сюда—и только почъ съ ея таинственнымъ сумракомъ загоняетъ его домой. Мраморная терраса—тоже къ лицу всему его окружающему. Отовсюду она заткана лозами винограда, вѣтвями плюща, какими-то розовыми цвѣтами, и стоитъ только лѣнивому вѣтру шевельнуться, чтобы эти легкія завѣсы зашептали и зашелестили нѣжно, мягко и ласково — такъ ласково, что сердцу даже больно становится,—отчего оно не въ силахъ угадать и распознать этотъ шепотъ... Птица порой слетитъ сюда, уцѣпится за зеленую вѣтку и поетъ-разливается, словно опьянѣвъ отъ этого воздуха, отъ этого аромата кругомъ. По мрамору террасы тѣни перепутавшихся листьевъ и вѣтвей колеблются и дрожатъ въ перемежку съ солнечными просвѣтами... А за этимъ сквознымъ занавѣсомъ—видны роскошныя, всею полнотою жизни вѣющія магноліи, громадныя бѣлыя цвѣты которыхъ словно отъ истомы жадно раскрылись солнцу; торжественно молитвенныя, стройныя кипарисы, стремящіеся отъ земли къ глубокому синему небу, страстныя, алыя розы и поб-

лѣднѣвщія словно отъ неизмѣримаго счастья, котораго онѣ не въ силахъ вынести—большія, бѣлая лилія... а тамъ, за ними—это море, море съ его немолчнымъ шумомъ, море, которое съ утра до ночи и ночью точно чего-то допрашивается у молчаливой земли и допроситься не можетъ!

— Что-же ты, Алексѣй! Дозваться тебя нельзя. И на террасу вышла красивая брюнетка, слегка нахмутивъ брови рѣзко очерченныя, надъ горячими глазами..

— Я уже думала, что ты ушелъ!—недовольно проговорила она.

— Никуда не хочется отсюда...

— Да вѣдь не убѣжить отъ тебя наша терраса. И сегодня, и завтра, и послѣ завтра будетъ она здѣсь-же. А тамъ завтракъ ждетъ.

Алексѣй Петровичъ вздохнулъ и вошелъ въ комнаты.

— Лучше бы завтракать на воздухѣ.

— Спасибо. Я и безъ того ни на что не похожа. Загорѣла до неприличія! Да и ты облѣнился совсѣмъ. Посмотри-ка на свои мольберты—не стыдно? Въ Петербургѣ только и говорилъ, что на югѣ заработаешься и все утраченное время наверстаешь. А здѣсь...

Но онъ потянулся къ ней, схватилъ ее за руки и притянулъ къ себѣ.

— Оставь, сомнешь. Причесывалась, причесывалась...

— И еще причешишься. Не велика важность!..

— Лѣнтяй...—слабо отбивалась она.

— Здравствуйте, только васъ не доставало!..

Съ террасы въ комнату торжественно входилъ замѣчательно толстый котъ съ громадною круглою головою.

— Только васъ не хватало, Морданъ, для нашего счастья.

Морданъ отправился въ знакомый уголъ, ткнулся носомъ въ блюдечко, и не найдя тамъ сливокъ, сначала горестно изумился, а потомъ сѣлъ надъ нимъ и грустно замяукалъ.

— Видишь, — засмѣялась брюнетка — даже Мордана заставилъ ждать.

А Алексѣй Петровичъ не отрывалъ глазъ отъ дверей, въ которыя зеленѣли виноградныя лозы, ярко блестѣли словно лакомъ покрытые листья магнолій и темнѣли важные, суровые кипарисы.

— Вѣдь я,—точно въ видѣ извиненія прибавилъ онъ,—вѣдь я только теперь отхожу отъ тѣхъ тумановъ, отъ того холода... Сколько лѣтъ на сѣверѣ, не видя юга Было отъ чего замерзнуть... Теперь отогрѣваюсь... Да

и *то*... Развѣ *оно* прошло безслѣдно... Еще много надо дышать здѣсь, чтобы отдышаться и придти въ себя.

При словѣ *то*, она нахмурилась, низко наклонила свою голову и, только нѣсколько спустя, проговорила недовольно съ видимымъ раздраженіемъ.

— *То?*... Значитъ оно еще не совсѣмъ прошло для тебя, не умерло?.. Скажите пожалуйста, ему, видите-ли, надо еще *забыть*. Какъ это *мнѣ* пріятно слышать... Не отдышался...

— Ты несправедлива, Соня...

— Теперь, разумѣется, я-же окажусь виновата.

— Да, ты не права: сучекъ сломаешь и то въ изломѣ, какъ слеза, капля влаги проступить. А сердцу еще и того хуже. Въ изломѣ не сразу болѣть перестанетъ...

— Пожалуйста, безъ глупыхъ сравненій... Иначе... иначе я, право, пожалѣю, что поѣхала сюда.. И оставались вы-бы съ *тѣмъ*, чтобы въ изломѣ не болѣло... хороши вы были—нечего сказать.

— Ну довольно. . Ты сама знаешь, что объ этомъ не можетъ быть и рѣчи. . Кстати-же и Морданъ на тебя такъ смотритъ, что самое каменное сердце и то-бы расчувствовалося.

Коть дѣйствительно мягко подобрался, сѣлъ у ея ногъ и не сводилъ съ нея умиленнаго взгляда. Точно проситель въ министерской пріемной.

Она расхохоталась и пошла наливать ему сливокъ.

— „Идиллія“ — насмѣшливо проговорилъ Алексѣй Петровичъ.

— А вамъ драмы-то еще не надоѣли?

Онъ точно прикусилъ языкъ и замолчалъ.

— Если хотите драмъ — стоитъ только вамъ вернуться въ Петербургъ. Онѣ васъ ждутъ тамъ...

II.

Вилла „Дарсана“, гдѣ, лѣтъ пять назадъ происходило описанное, находится едва-ли не на самомъ лучшемъ мѣстѣ красивой Ялты. Она на углу Набережной и Ауткинской улицы. Впереди море — позади горы. Домикъ — весь прячется въ саду. Вдоволь тѣни и прохлады и, что лучше всего, въ самую шумную пору — здѣсь стоитъ тишина, въ которой такъ хорошо чувствуется и думается. Когда кругомъ суматоха во всю, и маленькій городокъ кипитъ не на долго просыпающеюся въ немъ жизнью,

а толпы петербуржцевъ и москвичей кишмя-кишатъ на его улицахъ,—на виллѣ Дарсана художнику и поэту все-таки легко и привольно. Благодаря саду, которымъ она заслонена отъ цѣлаго міра, ея уединенію не грозитъ ничто. Понятно, что Верховенскій, искавшій покоя и одиночества, выбралъ, именно, этотъ уголокъ и замкнулся въ немъ, не сказываясь знакомымъ. Послѣ всего пережитого ему слишкомъ тяжело было-бы видѣть людей... Не они ему нужны здѣсь. Алексѣю Петровичу довольно было солнца, моря и горъ; этого вида и этой террасы!.. Лучшаго онъническаго не хотѣлъ и второй мѣсяцъ уже прозяблъ, забытый всѣми и счастливый тѣмъ, что его тоже забыли...

Въ первые дни, какъ только онъ сюда пріѣхалъ, ему казалось, что краски и освѣщеніе юга заставятъ его работать больше, чѣмъ когда-бы то ни было. Онъ разставилъ мольберты, натянулъ холсты на рамы, вынулъ палитры и краски—педантически уложилъ рядомъ кисти. Короче, для будущихъ картинъ было готово все, кромѣ него самого. И души этихъ картинъ уже бродили въ его головѣ, точно ожидая воплощенія—но творецъ бездѣйствовалъ, его суббота продолжалась слишкомъ долго. Не то, что апатія напала на него—нѣтъ. Апатія художника соединяется съ